

Кодекс курильщика

Сцена первая

*На табуретке сидит **Матвей** — очень худой парень непонятного возраста с тёмным скуластым лицом. Голова **Матвея** выбрита, в руках он держит обрез охотничьего двухствольного ружья, направленный в живот полноватому мужчине лет сорока, который полулежит на диване в паре метров от **Матвея**. Мужчину зовут **Сергей**, он в домашнем халате и тапочках, однако вместо пижамных штанов — синие, с лампасами. **Матвей** — в спортивных штанах и толстовке с капюшоном, на ногах — кроссовки.*

Матвей. Тебе же неудобно.

Сергей. Мне нормально.

Матвей. Да нет же. Что ты висишь? Сядь как человек.

Сергей. Не хочу.

*Короткая пауза, во время которой **Матвей** вытирает левой рукой пот со лба.*

Матвей. Ты куришь?

Сергей. Нет.

Матвей. Зачем врёшь? Я же видел, как ты курил.

Сергей (*кашляет*). Да это так...

Матвей. Баловался за компанию?

Сергей. Да.

Матвей. Какой ты компанейский.

Сергей. Обычный.

Матвей. Ну да, ну да.

Короткая пауза.

Матвей. Так всё-таки.

Сергей. Что?

Матвей. Сигареты есть у тебя?

Сергей. Ну... может, парочку.

Матвей. В кармане?

Сергей. Наверное.

*Короткая пауза, во время которой **Матвей** снова вытирает пот со лба.*

Матвей. Вот интересно, почему я потею как свинья, хотя по идее должен ты. И в квартире у тебя не жарко. Любишь прохладу?

Сергей. Жару не люблю.

Матвей. Кондиционер?

Сергей. Кондиционер.

Матвей. Сколько стоит?

Сергей. Не помню.

Матвей. Дорого, я думаю. Плюс установка. У меня вот нет кондиционера.

Сергей. Сочувствую.

Матвей. Вот за сочувствие — большое тебе человеческое спасибо!.. Сразу легче стало.

Короткая пауза, во время которой оба молчат и смотрят друг на друга.

Матвей. Может, всё-таки посмотришь сигареты?

Сергей намеревается сунуть правую руку в карман халата.

Матвей. Эй! Тише давай. Куда так разогнался?

Сергей. Я хотел...

Матвей (*перебивает*). Сначала похлопай по карманам.

Сергей неуклюже хлопает.

Матвей. В левом, похоже... Ты слишком резвым не будь, я же долго не думаю — сразу стреляю, если мне не нравится. Зачем тебе дробь в животе? Это больно.

Сергей. Из левого?

Матвей. Да, из него. Только сам понимаешь.

Сергей. Понимаю.

Сергей медленно вынимает из левого кармана пачку, правую руку в это время чуть приподняв над головой.

Матвей. Сколько там, посмотри.

Сергей (*поднимая большим пальцем клапан на пачке*). Одна. И зажигалка.

Матвей. Хорошо так балуешься за компанию.

Сергей. Да я её месяц назад купил. Почти не курю.

Матвей. Это плохо.

Сергей (*медленно съезжая на пол*). Почему?

Матвей. Потому что ты либо кури, либо нет. А покуривать — это по-пидорски. И сползать с дивана, думая, что я не замечу, — тоже... Быстро сел.

Сергей садится и будто бы случайно кладёт руку на правый карман.

Матвей. Ну мой ты дорогой!.. Ты правда думаешь, что я хуже тебя вижу? Руку убери.

Сергей, роняя пачку на диван, приподнимает руки над головой.

Матвей. Впрочем, я должен сказать тебе спасибо. Ты сам только что показал мне, где он у тебя. Сэкономим время, а это хорошо... Патроны к нему — где?

Сергей. патронов дома нету, их на работе...

Матвей (*перебивает*). Ну что ты врешь, Серёжа, а? Я ведь прекрасно знаю, что это не табельный у тебя в кармане, а свой собственный. Я прав?

Сергей громко сопит, держа руки над головой, и не отвечает.

Матвей. Я прав, Серёжа?

Сергей, помедлив, кивает.

Матвей. Ну вот... А теперь вставай, не торопясь, и скидывай с себя халат.

Сергей сидит.

Матвей. Вставай, вставай. Для тебя выход из ситуации всё равно один. Так что зря ты оттягиваешь. Нервничаешь зачем-то. Не надо. Быстренько сделай — и будешь свободен.

Сергей. Не буду ведь.

Матвей. Вставай.

Сергей медленно встаёт.

Матвей. Руки от карманов убери. Халат.

Сергей, извиваясь, высвобождается из просторного халата. Халат падает на пол со стуком.

Матвей. Теперь отойди на два шага.

Сергей отходит.

Матвей. Пошире шаги давай. Ещё на два.

Сергей отходит, стараясь ступать шире, чем прежде.

Матвей. Где карта, Билли?

Сергей. Что?

Матвей. Да ты, я смотрю, совсем тёмный. Мультки не любил в детстве?

Сергей. Мультки? Какие мультки?

Матвей. «Остров сокровищ», например. Не помнишь, что ли?

Сергей. Нет.

Матвей. Это печально, Серёжа... А братьев Коэнов хотя бы любишь?

Сергей. Кого?..

Матвей. Братьев Коэнов... Нет?

Сергей. Я не знаю, кто это.

Матвей. Ну, «Большой Лебовски», «Фарго», «Человек, которого не было»... «Старикам тут не место», в конце концов... Нет?

Сергей. Нет.

Короткая пауза, во время которой Матвей вытирает пот со лба, а Сергей молча очень громко дышит.

Матвей. Вообще не понимаешь, о чём я говорю, да?

Сергей. Не понимаю.

Матвей. Патроны где, Серёж? Я на последний троллейбус опоздаю, а у меня своей машины нет, как у тебя. И водить я не умею... И не хочу.

Сергей. В спальне. В шкафу, в чемодане на верхней полке.

Матвей. Правда?

Сергей. Да.

Матвей. Вот умница. Если не врешь. Хотя зачем тебе...

Короткая пауза.

Матвей. Знаешь, а сигарету я у тебя не возьму. Последнюю нельзя.

Сергей. Подожди, я...

Матвей нажимает на курок. Выстрел очень громкий и дымный. Сергей складывается

пополам и неловко заваливается набок. **Матвей** встаёт с табуретки, берёт обрез под мышку, идёт к халату, поднимает его, вынимает из правого кармана пистолет, кладёт его к себе в карман толстовки. Отшвыривает халат, подходит к лежащему **Сергею**. Тот шевелится.

Матвей. Видишь, сколько дыма? И громко, да? Потом, опять же, громоздкий, хоть и обрез, и патронов всего два — с дробью. Не круто.

*Короткая пауза, во время которой **Сергей** ещё шевелится.*

Матвей. Было не круто. А теперь будет. Если ты про патроны не наврал.

***Матвей** идёт к выходу из комнаты. У выхода оборачивается.*

Матвей. Кстати. Молодец, что холостяк. Считаю, продлил жизнь какой-то женщине... Хотя очень может быть, что её сейчас кто-нибудь другой убивает. Вероятность есть.

***Матвей** выходит из комнаты. **Сергей** уже не шевелится.*

Затемнение.

Сцена вторая.

Отец, Мать и их дочь — Катя сидят за столом на кухне. На столе — нехитрая еда, бутылка водки, наполненные стопари.

Мать. Давай за маму хотя бы. Которая тебя родила.

Катя. А вина нет?

Отец. Ты видишь на столе вино?

Катя. Или хотя бы пива...

Отец. Пей водку, не строй из себя.

Мать. За маму. Которая тебя родила. Знаешь, как родила?

Катя. В муках?

Мать. В муках. В самых что ни на есть мучениях. Целый день тебя из себя выдавливала, никак не могла.

Катя. Вроде же смогла.

Короткая пауза, во время которой все молчат и смотрят: Мать — на стопарик в своей руке, Катя — на Мать, Отец — на Катю.

Отец. Давай пей за мать. Имей совесть.

Мать. Круглая дата, доченька. Мне пятьдесят лет больше никогда не будет.

Катя. Я не могу водку.

Отец. Сможешь. Нечего корчить тут. Я могу — и ты сможешь.

Мать. И я смогу. Вот за тебя, доча, смогу. А ты смоги за меня.

Катя. Меня вырвет.

Отец. Не вырвет.

Катя. Вырвет. Наблюю на пол.

Мать. Ничего, уберёшь потом. Пятьдесят лет один раз в жизни.

Короткая пауза.

Отец. Будь человеком. Уважай мать. Пей. Резко.

Катя берёт стопарь с водкой, медленно пьёт, в процессе начинает кашлять, водка выливается у неё изо рта на одежду, стол, пол.

Отец. Вот сука.

Катя. Ну я же говорила!

Мать. И это на мамин праздник. Не стыдно тебе?

Катя. Я же говорила.

Отец. Не можешь человеком быть, блядь? Так трудно человеком быть?

Катя поднимается из-за стола, идёт к двери. Мать в это время выпивает водку из своего стопаря.

Отец. Ты куда пошла?

Катя. За тряпкой.

Отец. Высохнет. Сядь и закуси.

Катя. Я вытереть хочу.

Мать. Мама. Которая тебя родила. Знаешь, как родила?

Отец. Сядь. И закусывай.

Катя возвращается к столу, садится.

Мать. Не знаешь.

Катя. Знаю.

Отец. Закусывай давай. Резко.

Катя. Я ничего не выпила. Всё вылилось.

Мать. Не знаешь. В муках тебя родила. В мучениях. Целые сутки... Целые сутки! А врачи мне потом говорят — а ваш ребёночек, мол, не дышит. Я говорю — как так? Я так мучилась, а он... Быстро, говорю, бейте его! Бейте! Надо бить, чтобы задышал...

Короткая пауза, во время которой Мать шмыгает носом и вытирает глаза пальцами.

Отец (наливая в стопку **Кати** водку). Пей.

Катя. Я не буду. Она не лезет.

Отец. Влезет. Пей, блядь!

Мать. И вот тебя били, били по жопке твоей синей уже, били считай что мёртвую, а ты даже кричать не стала — просто задышала и всё. Страшная такая была, вся в болячках, в пене какой-то.

Катя поднимает стопку, смотрит на неё, долго дышит.

Отец. Выдохни сначала. Так — «хы»! А потом залпом.

Отец показывает — берёт свой стопарь, резко выдыхает, опрокидывает в рот, глотает. Занюхивает куском хлеба.

Отец. Давай. За мать.

Мать. А потом мне сказали, что ты ходить не будешь. Я говорю — как так? А мне — а вот так. Не будет. И разговаривать не будет. И вообще рассчитывайте в лучшем случае ещё года на три, а там гроб готовьте. Маленький такой, белый.

Отец (близко придвигаясь к Дочери и наклоняя голову). Тебе что, бычка вчесать сейчас? Бычка вчесать? М?

Катя. Не надо бычка. Не надо.

Катя резко выдыхает, опрокидывает стопку в рот, глотает. Морщится, долго откашливается.

Отец. Закусывай.

Катя кивает несколько раз, берёт с тарелки кружок колбасы, начинает есть.

Отец. Ну и что? Сблевала?

Катя, жуя, отрицательно мотает головой.

Мать. Маленький такой. Белый. С бахромой и кисточками.

Катя. Меня тошнит.

Отец. Сиди.

Катя. Меня правда тошнит.

Отец. Уважай мать. Сиди.

Мать. А я тогда подумала... может, сразу тебя убить, а? (Смотрит на **Катю**.) Чего

мучиться? Один раз пострадать, а потом нового ребёночка... родить.

Катя. Я сейчас всё верну. На пол.

Отец. А я тебе нос тогда развалю, да?

Мать. Ну, или в детдом тебя сдать. Подыхай, но не у меня на глазах.

Мать смотрит на Катю, та сдерживает рвотные позывы, зажав себе рот ладонями. Отец наливает себе водки. Выпивает.

Мать. Какого ты не умерла, а? Зачем?

Катя убирает ладони от лица, тяжело дышит.

Мать. А чего это тебя тошнит? Беременная, что ли?

Катя медленно мотает головой из стороны в сторону, отрицая, смотрит на Отца.

Мать. Сама урод бессмысленный, так ещё одного уroda хочешь нам на шею посадить?

Катя поднимается, идёт, ссутулившись, к двери. Отец смотрит ей в спину, но молчит. Потом наливает себе и Матери водки.

Мать. Вот мне интересно, где и с кем ты умудрилась? Где, блядь, и с кем?

Катя выходит. Отец смотрит в стол.

Мать. Кому нужна такая? Бесполезная... Кто её такую мог захотеть? Она же не человек. У неё же даже пенсия копейки!..

Отец смотрит в стол.

Мать. Родила урода. В муках родила. По врачам возила, на ноги поставила, чтобы что? Чтобы эта сука...

Отец. Всё, не пизди.

Мать (начиная плакать пьяными слезами). Никакого уважения к матери. Никакого уважения... А ведь пятьдесят лет только один раз в жизни...

Отец. Закрой рот.

Мать замолкает, всхлипывая. Отец несколько секунд сидит, смотря в стол, после встаёт и выходит. Мать наливает себе водки.

Мать. За маму. Которая тебя родила. Знаешь, как родила? Не знаешь. В муках, в муках тебя родила! Тварь такую.

Выпивает.

Затемнение

Сцена третья

Матвей сидит на скамеечке в парке, курит. На *Матвее* та же толстовка, только теперь бритая голова спрятана под капюшоном. К скамейке подходит пожилая *Женщина* в сизом пальто и вязаном красном берете. Минуту она стоит и смотрит на *Матвея* молча. Тот продолжает курить, не обращая на *Женщину* никакого внимания.

Женщина. Парень.

Матвей не реагирует.

Женщина. Я к тебе обращаюсь, молодой человек.

Матвей отбрасывает в сторону окурок, смотрит на *Женщину*, но молчит.

Женщина. Немой, что ли?

Матвей. Нет, а что?

Женщина. Ну, молчишь чего-то, когда тебя спрашивают.

Матвей. Молчу. Нельзя?

Женщина. Не очень вежливо, наверное, нет?

Матвей. Нормально.

Короткая пауза, во время которой Женщина смотрит на Матвея, а тот — на неё.

Матвей. Что нужно? Говори давай, не трать моё время.

Женщина. Да что ж ты грубый такой...

Очень короткая пауза.

Матвей. Рожай уже.

Женщина. Ох... ну разве так можно...

Матвей. Можно.

Женщина. Мне уже и спрашивать не хочется. Прямо закололо вот тут.

Женщина, потирая грудь под пальто, отходит на пару метров в сторону от Матвея и, остановившись, внимательно смотрит на него.

Женщина. А я только хотела попросить тебя пересесть на другую скамейку. На твою солнышко попадает, а на другие нет, а мне не хочется в тени сидеть.

Матвей. Мне тоже не хочется. Скамейка широкая — садись себе и сиди сколько влезет.

Женщина. Так я же хочу одна.

К Матвею и Женщине подходит высокий мужчина спортивного вида, ему где-то за сорок, он широко улыбается, в руке у него характерная продолговатая сумка с одеждой для тренировок внутри.

Спортсмен. Конфликт какой-то?

Женщина поворачивается к Спортсмену, вздрогнув. Матвей вынимает из кармана пачку, из пачки — сигарету, закуривает, высекая зажигалкой белые искорки.

Женщина. Прошу его пересесть, а он грубит.

Спортсмен, всё так же улыбаясь, смотрит на Матвея. Матвей улыбается ему в ответ.

Спортсмен. Уступи женщине, м?

Матвей. Не, не буду.

Женщина. Ну вот видите... (*Матвею*) Ох, и тяжело же тебе в жизни придётся, парень...

Матвей. Я своё «тяжело» уже давно в прошлом оставил, если что. А бабка если хочет здесь сидеть, то пусть садится, я ей не мешаю.

Спортсмен (*Женщине*). Так и правда же... Скамейка широкая.

Женщина. Так он же курит!

Спортсмен (*смеётся*). Ну и я курю, например. Есть такой грешок.

Спортсмен хлопает себя по карманам куртки, вынимает из нагрудного пачку, приподнимает клапан, заглядывает внутрь.

Спортсмен. Ну вот, кончились все. (*Матвею*) Угостишь?

Матвей. Легко.

Матвей протягивает Спортсмену открытую пачку, тот вынимает из пачки сигарету, кивком благодарит. Матвей отдаёт Спортсмену зажигалку, тот снова кивает. Закуривает, возвращает зажигалку.

Женщина (*разглядывая сумку Спортсмена*). Вот вы, вроде, физкультурой занимаетесь, а всё равно дымите. Как так можно.

Спортсмен. Привычка, мать. Зависимость.

Матвей держит в руке пачку, после демонстративно переворачивает её, приоткрывая пальцем клапан. Пачка пуста. Матвей смотрит на Спортсмена, тот же не обращает на жест Матвея никакого внимания.

Женщина. Ну, я не знаю. Люди же бросают как-то. По книжкам. Кодированы.

Спортсмен (*смеётся*). Они явно не с третьего класса общеобразовательной школы...

Матвей (*перебивает, громко*). А ты качок, что ли, а?

Спортсмен. Нет. Но навалить смогу, если что.

Спортсмен снова смеётся, глядя на Матвея. Тот острым движением отшвыривает пустую пачку. Женщина, глядя на Матвея, начинает потихоньку пятиться назад.

Матвей. Прямо доктор Ливси. И зубы такие же. Только тот был очень сильно против курения.

Спортсмен (*улыбаясь*). Кто? Какой доктор? Я — тренер.

Женщина. Ой, ну я пойду, наверное.

Матвей (*глядя Спортсмену в глаза*). А скамейка как же?

Женщина. Спасибо, в другой раз. И солнышко уже... того.

Женщина ещё несколько метров пятится, после разворачивается и почти бежит прочь. Спортсмен стоит напротив Матвея, курит.

Матвей. Что тренируешь?

Спортсмен. Кого. Детей. Лёгкую атлетику преподаю.

Матвей. Чпокаешь потихоньку детишек, да?

Спортсмен. Что?

Матвей. В детские маленькие попки.

Спортсмен (*смеётся, но уже иначе*). Дурак, что ли.

Матвей. Вы ж там все педофилы. В вашем очень большом спорте.

Спортсмен. Ты не обобщай давай, да?

Матвей. Хорошо, не буду обобщать. Конкретно ты — педофил. Любитель детских поп.

Спортсмен роняет окурок и делает шаг к Матвею. Тот, слегка наклонившись, коротко бодает Спортсмена в пах. Спортсмен падает, держась за промежность.

Матвей. Нет, не Ливси ты. Тот не курил. И детей любил по-другому.

Спортсмен. Сука!..

Матвей (*склонившись над Спортсменом*). Но я бы это тебе простил. Я-то за курение. Однако ты...

Спортсмен (*пытаясь подняться*). Я тебя сейчас прямо здесь зарюю, падаль!..

Матвей вынимает из кармана складной нож, выщёлкивает лезвие, хватая Спортсмена за волосы и несколько раз сильно бьёт его ножом в грудь. Спортсмен обмякает и сползает на асфальт.

Матвей. Ты меня перебил. Но я продолжу. Я — за курение. Курю и бросать не собираюсь. И других всегда готов поддержать в этом деле. Однако ты, тренер, повёл себя похамски. Ты забрал из моей пачки последнюю сигарету. Повёл себя не как тренер, а как пидор, который думает только о себе. А тренер-пидор с детьми контактировать не должен, да? Ты как считаешь?

Короткая пауза, во время которой Спортсмен лежит, не двигаясь. Вокруг него натекает большая лужа крови. Матвей демонстративно прислушивается, склонив голову набок.

Матвей (*выпрямляясь*). Вот и я так думаю.

Матвей уходит направо. Спортсмен лежит, не двигаясь. Слева появляется Женщина, медленно, но не крадучись, идёт к Спортсмену, склоняется над ним. Опасливо трогает за плечо.

Женщина. Мужчина. Мужчина!.. Он тебя ударил? Мужчина. Проснись, эй!..

Спортсмен лежит, молча и не двигаясь. Женщина наконец замечает, что стоит в крови, судорожно отшагивает. После, продолжая смотреть на лежащего Спортсмена, снимает обувь и, держа её в руках как парудохлых крыс, в одних чулках уходит, каждые две секунды оглядываясь.

Затемнение.

Сцена четвёртая

Катя и Саня сидят на застеклённом балконе: Катя в старом кресле-качалке, накрытом козьей шкурой, Саня — на синей надувной кровати. Саня — парнишка лет двадцати пяти, невысокий, щуплый, с большой головой. Волосы светлые и очень короткие, из-за чего голова Сани кажется прозрачной. Саня сильно картавит, но об этом мало кто знает, поскольку Саня старается букву «р» в речи никогда не использовать.

Катя. Мамке — пятьдесят.

Саня. И чё — отмечали?

Катя. Да всё ещё.

Саня. А ты чего?

Катя. Водку пить? До полной потери способности разговаривать?

Саня. Да почему так-то? Можно же немного. Для самочувствия.

Катя. Ага. Ты просто не видел, какое там самочувствие. Там уже скорее ничего-не-чувствие, слюни одни. Батя хотя бы ещё какие-то слова отдельные говорит, а мать — так просто мычит с закрытыми глазами. Смотрю на них и думаю, что вот эти два нелюдя меня сделали, а теперь при каждом удобном и нет случае попрекают всем, чем только можно. Пенсия моя для них маленькая. Твари.

Саня. Ну зачем ты. Они же твои.

Катя. И чё теперь? Расцеловать их?

Саня. Нет, но... Не так хотя бы. Нелюди — это слишком. Они же такими не были тогда... ну... до тебя.

Катя. Типа — «это не мы такие, это жизнь такая»?

Саня. Ну как бы да. Может быть.

Катя. Мать ещё с чего-то взяла, что я беременная.

Саня. А ты?..

Короткая пауза, во время которой Саня смотрит на Катю, а та — в сторону.

Катя. Ну... нет. Вроде бы.

Саня (*улыбается*). О, а с кем это ты?

Катя. Отвали.

Саня. Не, ну честно — с кем? Я его знаю?

Катя. Иди в баню, да?

Саня. А чего не со мной?

Катя. Я с родственниками не сплю, если что.

Саня. Так я же кузен. Со мной можно.

Катя. Иди в жопу, дурак.

Саня смеётся. Катя вынимает из кармана спортивных штанов телефон, на минутку залипает.

Саня (*встаёт*). Табачку?

Катя. Нет. Я бросила.

Саня. Точно?

Катя. Да.

Короткая пауза, во время которой Саня выходит. Катя остаётся в кресле залипать в телефон.

Катя (сквозь зубы). Вот сука...

Саня (возвращаясь с чёрным мешочком в руках). Кто?

Катя (прячет телефон). Да это так. Не важно.

Саня садится на надувную кровать.

Саня. А если подумать?

Катя. Сань, а скажи — «морковка»?

Саня (смеётся). Нет.

Катя. Ну скажи.

Саня. Не буду же.

Саня копается в мешочке, вынимает из него трубку, пакет с табаком, металлический тройник для трубки, спички.

Катя. Давай. Это же так просто — «морковка».

Саня. А зачем? Что изменится?

Катя. Мне будет приятно.

Саня. Я скажу, если ты скажешь, кто сука.

Катя. Это не честно, Сань.

Саня открывает пакет, вынимает из него щепотку табаку, пихает в трубку, мягко утаптывает пяточкой тройника.

Саня. Почему?

Короткая пауза, во время которой Саня возится с трубкой, а Катя на него смотрит.

Катя. Сань, а мать не ругает за то, что на балконе куришь?

Саня (перестав улыбаться). Ей пофиг.

Катя. А где, кстати, тётя Света?

Саня. Понятия не имею. Хочешь — позвони ей, узнай. Тебе, может, скажет...

Катя. Не, не буду. Зачем напрасно человека беспокоить.

Саня. Я её уже два дня и ещё один не видел. Шляется где-то... с новым мужиком, видимо.

Пауза, во время которой Саня утаптывает в трубке последнюю порцию табаку, а Катя вынимает телефон, смотрит в него коротко и тут же прячет, оскалившись.

Катя. Сколько ты, говоришь, дней мать не видел?

Саня. Два. И ещё один.

Катя. Сань, а скажи — три.

Саня (улыбается). Нет. Не скажу.

Катя. Ну скажи.

Саня. Нет.

Катя. Ну Сань. Скажи. Три дня.

Саня. Два. И ещё один.

Катя. Сань.

Саня. М.

Катя. Rrrrrrr!..

Саня мотает отрицательно головой и смеётся. Катя улыбается.

Саня. Да ну тебя.

Саня раскуривает трубку. Катя смотрит на Саню, поглаживая колени.

Катя. Сань.

Саня. Я.

Катя. Слышишь, Сань.

Саня. Ну.

Короткая пауза, во время которой Саня дымит трубкой, а Катя смотрит на него очень внимательно.

Катя. Можно, я с тобой поживу пару дней?

Саня. А я что, не даю, что ли.

Катя. Ну я же не могу без спроса.

Саня. Можешь. Я — за.

Катя. Я думаю, тётъ Света тоже не будет против.

Саня. Мамка-то? Ей пофиг.

Катя. Да ну ладно тебе...

Некоторое время молчат. Саня курит трубку, Катя смотрит на него.

Саня. Кажется, я его видел.

Катя. Правда?

Саня (*кивает*). Ага. Я ехал домой — и он тоже. И тут зашли эти — показывай, мол, билет. Я показал. А он не показал. Они ему — выходи давай. Без билета — выходи. Он им — нет, я дальше поеду. И ничего вы мне не сделаете. Они давай на него, а он — смеётся. Что вы можете, мол, слизни. Лапки у вас слабоваты сделать мне хоть что-нибудь. А будете пытаться — тут же лопнете и никто о вас никогда не вспомнит. Они даже остановили всё, выходи давай, мол, а он — нет, не подумаю даже. Водитель вышел, пальцем ему показывает, куда идти, визжит, а тот только смеётся. И видно, что боятся его все до боли в животе. И ничего сделать не могут. Постояли ещё немного — и поехали. И он тоже. Едет себе, улыбается. И я улыбаюсь. И вот он вышел, а я дальше поехал. А сейчас жалею, что с ним не вышел.

Пауза, во время которой Саня пыхает трубкой, а Катя смотрит на него — и внезапно широко зеваает.

Саня. Захватывающе, я знаю.

Катя. Да нет, просто кислорода не хватает. В дыму всё. Можно я открою?

Саня. Валяй.

Катя встаёт с кресла-качалки, отодвигает раму в сторону, высовывается по пояс, смотрит вниз.

Саня. Не вывались.

Катя. Я дура, что ли.

Саня. Мало ли.

Катя. Намёки твои, знаешь ли... В дурке не только дураки. Там разные.

Саня (*пожимает плечами*). Я там не был.

Короткая пауза, во время которой Катя возвращается в кресло, а Саня

сосредоточенно курит, прикрыв чашечку трубки пальцем.

Катя. Так а почему ты не вышел-то?

Саня. А ты как думаешь?

Катя. Страшно стало?

Саня. Ага. Боязно.

Просто пауза.

Кать. Сань.

Саня. Чё?

Кать. Ну Сань.

Саня. Да ну чё?

Катя. Санечка.

Саня. Да тут я.

Катя. Санёчек.

Саня. Вот он я. Здесь.

Катя. А... скажи не «боязно», а «страшно»?

Саня смеётся. Катя смотрит, улыбаясь, на него.

Саня. Вот тебе мой ответ.

Саня показывает Кате средний палец.

Катя (смеётся). Ах ты падла!..

Катя вскакивает с кресла, хватая козью шкуру и начинает лупить ею Саню. Тот откидывается на спину, роняя на пол трубку, хохочет. Катя некоторое время охаживает Саню шкурой, после накрывает его ею и садится на Саню верхом. Саня улыбается.

Катя. Люблю тебя... дурачок.

Затемнение.

Сцена пятая

Набережная. На ступеньках, ведущих к воде, сидят Катя и Бомж. У Бомжа вместо правой руки — пустой рукав, в левой — открытая бутылка пива. Катя залипает в телефоне.

Бомж. Пиво будешь?

Катя. Не хочу.

Бомж. Я ещё не пил, открыл только.

Катя. Какая разница.

Бомж. Я думал — брезгуешь.

Катя. Нет. Просто не хочу. Да и нельзя.

Бомж. Таблетки?

Катя. Таблетки.

Бомж. Антибиотики?

Катя. Слушай, чего ты пристал, а?

Бомж отпивает из бутылки, Катя смотрит на него.

Бомж. Я просто поделиться хотел.

Короткая пауза, во время которой Катя смотрит на Бомжа, а тот снова отпивает из бутылки.

Бомж. Белорусское пиво. Вкусное. Бархатное. Люблю белорусское пиво.

Катя (*смеётся*). Ты белорус, что ли?

Бомж. Наверное. Я не знаю. Мать говорила, что мы — евреи. Но папашка, по ходу, был всё-таки армян.

Катя. Армянин?

Бомж. Ага, армян.

Катя. А фамилия у тебя какая?

Бомж. Безухов.

Катя. Прямо ну очень армянская фамилия.

Бомж. Это в интернате так записали.

Катя. Погоди, ты ж про мать рассказывал.

Бомж. Пропала мать. Сначала отец куда-то подевался, а потом и мать.

Катя. В смысле?

Бомж (*отпивает из бутылки*). Я не помню.

Пауза, во время которой Бомж смотрит на реку, а Катя на Бомжа.

Катя. И зовут тебя как?

Бомж (*помедлив*). Петя.

Катя. Это смешно.

Бомж. Да. Очень.

Некоторое время молчат.

Катя. Наверное, аборт сделаю.

Бомж. Это правильно.

Катя. Серьёзно?

Бомж. А куда их? Мало, что ли.

Катя. Ну... я не знаю.

Бомж. Дети не нужны. Вообще люди не нужны. Но дети особенно не нужны.

Пауза, во время которой Катя отвлекается на телефон, а Бомж допивает тиво и ставит пустую бутылку рядом с собой.

Катя. Когда ему надоест уже...

Бомж. Кому?

Катя. Отцу. Пишет и пишет.

Бомж. И чё пишет?

Катя. Что матери расскажет.

Бомж. М-м. Понятно.

Короткая пауза, во время которой Катя прячет телефон в карман, потом пристально смотрит на Бомжа.

Катя (похлопывая себя по животу). Это его.

Бомж. То есть?

Катя. Прикинь, сразу и папа, и дедушка.

Бомж. Да ладно! Как так-то?

Катя. Вот так.

Бомж. Он чё, дурак совсем?

Пауза, во время которой Бомж смотрит на Катю, а та — на реку.

Бомж. А ты почему... ну... Надо же было это... сопротивляться, я не знаю. Это же... ну, фу!

Катя. А я не в себе. У тебя вон руки нет. А у меня — ума.

Бомж. Что-то я не заметил. Говоришь связно, вроде бы.

Катя. Это сейчас. Инвалид второй группы я. Сегодня — человек, а завтра — кусок говна, со стенкой разговаривающий. Некоторые этим научились пользоваться.

Некоторое время молчат.

Катя. А ты куда руку девал?

Бомж. Станок съел.

Катя. Давно?

Бомж. Лет двадцать, кажись. Не помню точно.

Катя. Хочешь меня трахнуть?

Бомж смотрит на Катю, та — на него.

Бомж. Ты чего?

Катя. Ну а почему нет?

Бомж. Я что, быдло, что ли?

Катя. В смысле?

Бомж. Я тебя не люблю. А я не могу с теми, кого не люблю. У меня нет нужды просто так в мясо тыкать.

Катя. Какой ты нежный. Это потому, что я больная, да?

Бомж. Это потому, что мы разные.

Катя. Не для меня твоя роза цвела, да?

Бомж. Типа того.

Короткая пауза, во время которой ничего не происходит.

Бомж. У меня была девушка. Ну как. Можно сказать, жена. Только без печати в паспорте. Сожительница, короче. Ребёнок был. Вася... Сначала мне руку оторвало. А потом они оба угорели в деревне, когда я в больнице лежал. Долго лежал. Зимой меня выписали, а домой я не пошёл. Не смог. И на кладбище не могу. Не хочу их такими видеть.

Короткая пауза, во время которой Катя смотрит на Бомжа, а тот — на реку.

Катя. Врёшь, да?

Бомж. Конечно.

Катя встаёт. Бомж смотрит на неё.

Катя. Пойду с крыши скинусь, что ли.

Бомж. Сигарет нет у тебя? А то пропадут зря.

Катя. Не, я бросила.

Бомж. Жаль.

Катя поднимается по ступенькам вверх.

Бомж. Ты, главное, на краю не стой, а то ссыкотно станет и не сможешь. Лучше сразу с разбега.

Катя. Я подумаю.

Катя уходит. Бомж достаёт из кармана пальто пачку и спички, закуривает, ловко одной рукой чиркнув спичкой о коробок. Курит. Появляется Матвей, спускается по ступенькам к Бомжу, садится рядом, откидывает капюшон.

Бомж. Сигарету?

Матвей. Давай.

Бомж протягивает Матвею пачку, тот берёт сигарету. Бомж даёт Матвею спички. Матвей закуривает, долго машет спичкой, выбрасывает в реку. После вынимает из кармана толстовки пистолет. Приставляет его к голове Бомжа. Бомж, будто не заметив, молча курит.

Матвей. Смотрел братьев Коэнов что-нибудь?

Бомж. У меня нет телевизора.

Матвей. Даже «Старикам тут не место» не смотрел?

Бомж. Ничего не смотрел.

Матвей. Монетка есть?

Бомж. Есть, но я тебе не дам.

Бомж выбрасывает окурок в реку. Матвей прячет пистолет в карман толстовки, поднимается и уходит. Бомж остаётся сидеть на ступеньках.

Затемнение.

Сцена шестая

*Почти ночь. Автобусная остановка с навесом. На скамейке сидит **Матвей**, голова накрыта капюшоном. Рядом мнётся **Саня** — ходит туда-сюда, пряча руки в карманах. Не выдерживает, подходит к **Матвею**.*

Саня. А я тебя уже видел.

***Матвей** смотрит на **Саню**. Тот вынимает руку из кармана, протягивает **Матвею**. **Матвей** никак не реагирует.*

Саня. Саня.

Матвей. И что теперь?

Саня (*убирает руку в карман*). Да не, ничего. Так.

*Короткая пауза, во время которой **Матвей** смотрит на **Саню**, а тот сопит, разглядывая свои кеды.*

Саня. Восхищаюсь тобой. Вот.

Матвей. Зачем?

Саня. Ну... ты опасный... Сильный.

Матвей. А ты пидор, что ли?

Саня (*чуть помедлив*). Нет. Не он.

Матвей. А я думаю, что да, он.

Саня. Нет, честно.

Матвей. Тогда так и скажи — «я не пидор!»

Саня. Да, я не... голубой.

Матвей. Не пидор.

Саня. Да. Не... он.

*Короткая пауза, во время которой **Матвей** смотрит на **Саню** очень внимательно. **Саня** отходит на шаг назад.*

Матвей. Это чё, шутка такая?

Саня. Нет. Не шутка.

Матвей. А в чём дело-то? Ты стесняешься слово «пидор» сказать?

Саня (*помедлив*). Нет, не слово. Букву в этом слове.

***Матвей** левой рукой вынимает из кармана толстовки пистолет и кладёт на колено.*

Матвей. И какую же?

Саня. Последнюю.

Матвей (*подбородком указывает на пистолет*). Видишь?

Саня. Да.

Матвей. Это логопед.

***Саня** молчит. **Матвей** прячет руки в карманы толстовки, смотрит на **Саню**.*

Матвей. Давай. На раз-два-три.

Саня. Я не могу. Мне плохо станет.

Матвей. Припадок случится? Да?

Саня. Да, он.

Матвей. Ты так и скажи — «припадок».

Саня. Не могу.

Матвей. Но сначала скажи, что ты — не пидор. Давай. И-и!..

Саня. Я не смогу.

Матвей вынимает правую руку из кармана, кладёт её на пистолет.

Матвей. А я ведь не придуриваюсь. Не скажешь, что ты не пидор? — значит, будешь как ёжик резиновый с дырочкой в правом боку. Пойдёшь домой, насвистывая.

Саня. Я без шуток.

Матвей. Бежать я бы не советовал, знаешь ли.

Саня. Я не побегу.

Матвей. Ну! Давай! «Я — не пидор!»

Матвей берёт в руку пистолет и направляет его на Саню.

Саня. Я скажу! Скажу!

Матвей. Ну!

Саня. Только одно условие!

Короткая пауза, во время которой Матвей целится в Саню, а тот стоит на месте, втянув голову в плечи.

Матвей. А ты наглый, что ли?

Саня. Нет. Честно.

Матвей. Я же тебя могу положить прямо сейчас на асфальт, навсегда уже.

Саня. Но ведь не кладёшь. Мог бы, но не кладёшь.

Пауза. Матвей продолжает целиться в Саню.

Матвей. Куришь?

Саня. Да.

Матвей. Дай сигарету.

Саня. У меня только табак. Дома. Я поделюсь. Если ты не будешь в меня...

Матвей, помедлив, опускает пистолет, прячет его в карман.

Матвей. Говори условие.

Пауза, во время которой Саня громко дышит, а Матвей смотрит на него и молчит.

Саня. Ты поделишься со мной своей силой.

Матвей. С чего бы?

Саня. Мне она нужна. Очень нужна.

Длинная пауза, во время которой Матвей встаёт, подходит к Сане поближе, рассматривает его, почти обнюхивает. Саня не двигается.

Матвей. То есть, ты понимаешь, кто я?

Саня. Да. Понял, как только увидел.

Матвей. И только потому, что тебе нужна сила — моя сила, — я прямо-таки обязан

тебе её дать?

Саня. Нет. Но ты мог бы.

Матвей. За твою дефективную букву «р»?

Саня. Хотя бы. У тебя же много силы. Очень много.

Матвей отходит от Сани. Тот стоит, не двигаясь.

Матвей. Это забавно, да. Но ты меня уговорил.

Короткая пауза, во время которой Саня смотрит на Матвея, боясь пошевелиться.

Матвей. Ну? Что же ты? Не теряй время.

Слышно, как приближается к остановке автобус.

Саня (кошмарно картавя). Я не пидор!

Матвей быстро подходит к Сане, вынимает из кармана пистолет, держа за ствол.

Матвей (упираясь рукояткой в живот Сани). Бери. Мне не жалко.

Саня, вынув руки из карманов, хватается за пистолет. Матвей подбегает к автобусу, запрыгивает в открывшуюся дверь, оборачивается.

Матвей. Как пользоваться на ютубе посмотришь. А патроны я подгоню, если кончатся. Всё.

Двери автобуса закрываются. Автобус с Матвеем внутри уезжает.

Саня стоит на остановке, держась за пистолет.

Затемнение.

Сцена седьмая

Саня и Катя лежат под пледом на синей надувной кровати на балконе. Разговаривают. Саня сильно картавит.

Саня. Ты же с родственниками не спишь.

Катя. Я много чего не делаю. Как и ты, впрочем.

Саня. А что — я?

Катя. Ты у нас никогда-никогда не говоришь слова с буквой «р».

Саня. Ну да, не говорю. А что?

Катя. Да так, ничего.

Короткая пауза, во время которой ничего не происходит.

Катя. Сань.

Саня. Ну?

Катя. А скажи — «морковка».

Саня. Ну «морковка». И чё с ней?

Катя. Ты серьёзно?

Саня (*приподнимается*). Я не понял, ты есть, что ли, хочешь? Так давай я приготовлю. Только обычной морковки нету, есть только корейская.

Катя. Да лежи ты уже. Не хочу я есть.

Саня. И я не хочу. А вот курить — хочу.

Катя. Потом покуришь. Лежи.

Саня ложится. Катя гладит его по голове.

Саня. Я бы и выпил сейчас. Вина. Красного, сухого.

Катя. Я вот тоже... наверное.

Саня. Какого-нибудь из Чили.

Катя. Или из Южной Африки.

Саня. Или из Южной Африки, да. Если там делают вино. Там же делают?

Катя. Делают.

Саня. Хотя, знаешь, нет.

Катя. Что — «нет»?

Саня. Не стал бы пить.

Катя. И так хорошо?

Саня. И так, да.

Короткая пауза, во время которой ничего не происходит.

Саня. По тебе, Кать, никогда нельзя понять, что у тебя внутри происходит. На других смотришь — и всё видно. А ты — всегда одинаковая.

Катя. В смысле? Это какая же?

Саня. Ну такая. Вроде как тебе всегда на всё насрать. А это ведь не так.

Катя. Санёк, ты не забывай, кто я.

Саня. А кто ты?

Катя. Я, Санечка, — психически больной человек. Инвалид второй группы, между прочим.

Саня. Я в это не верю.

Катя. В смысле, Сань? У меня справка же.

Саня. Нет, не в этом дело. Просто по тебе видно, что оно не само так.

Катя. А типа я как бы специально?

Саня. Ну да. Что ты умеешь так делать, чтобы по тебе ничего не было видно.

Катя (помедлив). Я бы могла, конечно, сказать, что это результат многолетних тренировок. Если бы это реально было так. Но просто, думаю, дело в том, что я такая — и всё.

Короткая пауза, во время которой ничего не происходит.

Саня. У меня бывают такие дни...

Катя. Критические.

Саня. Смешно, но да. Критические. Только в другом смысле.

Катя. В каком?

Саня. Когда я не могу на улицу выйти, потому что боюсь людей. Даже не людей, а того, что эти люди с собой несут.

Катя. Сумок, что ли?

Саня. Ай, да ну тебя.

Катя. Шучу, Санёк. Продолжай.

Саня (помедлив). Ну вот представь. Идёт человек тебе навстречу, разговаривает по телефону. И вот ты не хочешь, но слышишь всякие подробности его жизни. Любую чушь. И вот он проходит мимо, а ты понимаешь, что это не просто так кто-то, а какая-то невероятно длинная и извилистая труба чьей-то жизни, с кучей ответвлений и тупиковых отростков. Всё это тебе не интересно и совершенно ни к чему, но оно тебя задевает, обдаёт такой душной волной — хочешь ты этого или нет. Ты вроде как прошёл уже мимо, а на тебе всё равно остались клочки чужой реальности — липкие и едкие. А потом, скажем, попадаешь ты в центр города, а там — полно людей. То есть, уже не одна такая труба, а сотни этих труб. И по каждой из этих труб с дикой скоростью движется...

Катя (перебивает). Своё говно.

Саня. Ай, ну Катя.

Катя. Санёк, легче. Я просто шучу.

Саня. А я-то серьёзно.

Катя. Я тоже серьёзно. Даже когда шучу.

Саня (помедлив). Я это всё к чему.

Катя. К чему?

Саня. У тебя нет такой трубы.

Катя. С говном?

Саня. Ну... да.

Катя. Всё моё говно, Санёчек, где-то очень глубоко внутри накапливается. Но приходит время, когда место кончается. А я продолжаю туда запихивать. Там уже стенки трещат по швам, а я всё равно продолжаю. Любое говно, любых размеров. Но, понятное дело, в один прекрасный день этот потайной чемодан говна не выдерживает и просто тупо взрывается. И вот тогда прилетает всем.

Саня. Мне кажется, ты преувеличиваешь.

Катя. Тебе кажется.

*Телефон **Кати**, лежащий рядом с кроватью, коротко жужжит. **Катя** хватает его, ненадолго залипает.*

Саня. Что там?

Катя. Ничего. Не важно. Тётъ Света звонила?

Саня. А тебе зачем?

Катя. Ну просто интересно. Вдруг с ней случилось чего.

Саня. Всё с ней нормально. Думаешь, первый раз такое?

Катя. Думаю, что нет. Иначе бы ты беспокоился.

Саня. Я уже давно перестал за неё беспокоиться. Взрослый человек со своей жизнью.

Катя. Со своей трубой жизни.

Саня. Ага.

Катя. И вникать тебе не хочется.

Саня. Вообще.

Катя. Ты знаешь... я тебя понимаю. Ни капли домой не хочу.

Саня. Ну так живи здесь.

Катя. С тобой?

Саня. Со мной. Кому какое дело.

Катя. А тётя Света?

Саня (*помедлив*). Я ей сказал.

Катя. Звонила, всё-таки?

Саня. Ну... даже приходила.

Катя. Вот как. Это когда?

Саня. Утром. Ты дрыхла.

Катя (*кривляется*). «Дрыхла»! Как смешно, всё-таки.

Саня. Что — смешно? Что мать пришла домой на десять минут, взяла какие-то свои шмотки, денег — моих, кстати, — и ушла? Что я даже поговорить с ней толком не успел?

Катя. Да чего ты заводишься! Я про другое совсем.

Саня. Про что?

Катя. Про то, как ты говоришь.

Короткая пауза.

Катя. Ты сказал про меня?

Саня. Ну да. Сказал.

Катя. А она что?

Саня. Сказала, что «ладно, пусть».

Катя. И всё?

Саня. И всё. Ты же сестра.

Короткая пауза, во время которой Катя смотрит на Саню, а тот — на неё.

Катя. У меня иногда ощущение, что она твоя не мать, а дочь, которая совсем отбилась от рук, а ты болт забил, потому что устал с ней сражаться.

Саня молчит. Телефон Кати, лежащий рядом с кроватью, коротко жужжит. Катя хватает его, смотрит. Отбрасывает от себя, резко встаёт. Одежды на ней нет.

Катя. Я в душ.

Катя выходит. Саня берёт телефон Кати, залипает. На лице его — пронзительно белое пятно света.

Затемнение.

Сцена восьмая

Саня и Отец Кати сидят за столом друг напротив друга на кухне. На столе ничего нет, кроме пустого стопаря и тарелки с остатками квашеной капусты. Саня держит в руке пистолет, который направлен в грудь Отца Кати. Тот внимательно рассматривает вилку в своей руке.

Саня. Дядь Вов.

Отец. Ну.

Саня. Вилку положи, ладно?

Отец долго смотрит на Саню. После кладёт вилку на стол.

Саня. Спасибо, дядь Вов.

Короткая пауза, во время которой Отец медленно указательным пальцем двигает вилку на середину стола, к тарелке.

Саня. Ты знаешь, дядь Вов, я тут недавно очень плохо поступил.

Отец молча смотрит на Саню.

Саня (качнув пистолетом и жутко картавя). Ну ты прореагируй хоть как-нибудь!

Отец пристально смотрит на Саню. Вдруг широко улыбается.

Отец. Санёк! Не припомню, чтобы ты картавил. Это новая мода какая-то? Или у тебя что-то с прикусом?

Саня. Вот, дядь Вов, хорошая реакция. Мне нравится.

Отец. Ты чего, Сань? Ты не курил ничего? Есть сейчас какие-то наркотики, я по телевизору видел. Типа трава, но только из химии.

Саня. Синтетические каннабиноиды.

Отец. Во! Оно, кажется.

Саня. Я ничего, кроме табака, не курю, дядь Вов. Даже обычные сигареты.

Отец. А есть, кстати, самокрутка у тебя?

Саня. Нет. Не заговаривай мне зубы, пожалуйста.

Отец. А что у тебя — трубка, да?

Саня. Трубка.

Отец. Трубку не дашь, да?

Саня. Трубку чужим не дают, дядь Вов.

Отец. А я тебе что — чужой?

Саня. Да, дядь Вов. Совсем.

Отец. Почему?

Саня молчит, смотрит на Отца. Тот улыбается и чешет пятернёй грудь под майкой.

Саня. Я тебя убивать пришёл, дядь Вов.

Отец. Это за что же, Санёк?

Саня. Тёть Люба дома?

Отец. Нет, на смене. Вечером придёт.

Саня. А ты чего не на работе?

Отец. Так сократили меня, Сань. Не работаю я больше.

Саня. Ну и правильно.

Отец. Это почему, Саня?

Саня. Потому, дядь Вов.

Короткая пауза, во время которой Отец держится за стол, а Саня покачивает пистолетом.

Отец (*протягивая руку к пистолету*). А ты с предохранителя снял, Сань? А то я могу показать, как это сделать. Я умею.

Саня. Руку убери, дядь Вов.

Отец убирает руку.

Саня. Я совершил очень плохой поступок, дядь Вов. Мне ужасно стыдно, если честно. С одной стороны. А с другой — я считаю, что правильно сделал.

Отец. Сань, сейчас ты что-то совсем неправильное делаешь. Может, отдашь мне пистолет?

Саня. Дядь Вов, это так не работает. Я тебя всё равно убью, понимаешь?

Отец. Нет.

Саня. Тем не менее.

Короткая пауза, во время которой Саня смотрит на Отца. Тот держится за стол, не двигается.

Саня. И это настоящий пистолет. И с предохранителя я снял. И как правильно держать, чтобы с отдачей справиться, на ютубе посмотрел. Так что ты не думай, у меня получится.

Отец. А за что, Санёк? За что?

Саня. За то, дядь Вов, что ты нелюдь. Я, конечно, плохо поступил — всю переписку Катину с тобой прочёл.

Отец. Ну и что?

Саня. То есть, тебя ничего не смущает?

Отец (*чуть помедлив*). Ты, Сань, маловат ещё. Не всё понимаешь. Это жизнь, Саня. Так бывает.

Саня. Насиловать собственную дочь — это, по-твоему, «так бывает»?

Отец. Она сама стонала, Сань.

Саня. Дядь Вов, она — больной человек. Может, не в последнюю очередь из-за тебя.

Короткая пауза, во время которой оба молчат.

Саня. Я тут пару дней назад наткнулся на один ролик. Там девушка с такой, знаешь, явно азиатской внешностью — казашка, может? — отсасывает пареньку лет восемнадцати. Да-да, отсасывает. На балконе, но не квартирном, а на таком, который на лестницу ведёт, если вдруг лифт сломался. Я смотрю — и интересно мне не то, чем они занимаются, а дом напротив. Там этажей двенадцать, может быть, не знаю. В окнах закатное солнце отражается. Идиллическая такая картинка — тихое лето в спальном районе.

Очень короткая пауза.

Саня. Ты не представляешь себе, дядь Вов, как меня это всё напугало. У меня прям руки затряслись. Это же бесконечность, понимаешь? Ебучая бесконечность — миллионы одинаковых окон, в которых отражается закатное солнышко этого лета. Дом за домом, город

за городом. Одинаковые окна, а за ними — одинаковые мы. Вот, например, нам с тобой не дано знать — а вдруг в каком-нибудь сраном Челябинске точно так же сидят племянник и дядька, который трахает собственную дочь — и потому заслуживает смерти. И все они — точно такие же ничтожества. Плесень. Пыль. Грязь под ногтями у бога, в которого я, кстати, не верю, что совершенно не мешает ему быть. Потому что я для него — никто. Даже не песчинка. Та хоть на зубах может хрустнуть, а меня не заметишь — до такой степени я никто. Мною спокойно можно пренебречь. И тобой. Для вселенной нас просто нет.

Отец. Тогда зачем убивать, Сань?

Саня. Потому что не для вселенной, а для меня. Я для себя буду тебя убивать, дядь Вов.

Пауза.

Отец. В тюрьму же посадят, Санёчек.

Саня. А вот это уже совсем не важно, дядь Вов. Это всё потом будет.

Короткая пауза.

Отец. Это всё водка, Санёк. Ну и, как я говорил, она сама стонала. Ты понимаешь, я...

Саня нажимает на курок. Выстрел очень громкий. Отец Кати с грохотом опрокидывается на спину, ломая под собой табуретку.

Саня. Раньше я бы точно не смог. Но на днях джаггернаут поделился со мной своей силой. Знаешь, кто такой джаггернаут?

Отец Кати сдавленно хрипит. Саня подходит к нему, направляет на него пистолет и стреляет несколько раз — пока не кончатся патроны.

Саня. А вообще тебе и не надо.

Саня швыряет пистолет на стол и выходит. Отец Кати лежит, не двигаясь. Вокруг него натекает лужа чёрной крови.

Затемнение.

Сцена девятая

Матвей сидит на табуретке, в руках у него обрез, направленный в живот человека, сидящего на диване напротив в паре метров от Матвея. Человека зовут Олег, он толстый, лысый, ему хорошо за сорок, на нём жёлтый пушистый халат и домашние тапочки. Матвей одет как и обычно — толстовка с капюшоном, спортивные штаны, кроссовки.

Матвей. Чего ты такой толстый, а?

Олег пожимает плечами.

Матвей. Хорошо зарабатываешь?

Олег. Не жалуюсь. Слушай, можно я лоб вытру — не могу, глаза заливают.

Матвей. А чё, кондиционера нет у тебя?

Олег. Есть, но я выключил.

Матвей. Электричества жалко?

Олег. А чего зря тратить?

Матвей смотрит на Олега, после кивает.

Матвей. Ну да, ну да. Вытирайся, но только халатом. А то мало ли что у тебя в карманах, да?

Олег. Да там платок только. И сигареты.

Матвей. О, да ты куришь! Какая прелесть. Мало тебе того, что ты жирный как свинья и умрёшь когда-нибудь от передоза жрачкой, так ты ещё и лёгким своим решил спуску не давать, да? А ты дерзкий. Только стоп! — что это я? Умрёшь-то ты сегодня. От нарушения герметичности своей упаковки из чистого сала. Хотя боюсь я, что дробь тебя не возьмёт.

Олег. Ладно тебе, чего ты...

Матвей. И правда. Чего это я.

Короткая пауза, во время которой Олег утирает халатом лоб, а Матвей кладёт обрез на колени.

Матвей. И давно куришь?

Олег. Лет с двенадцати.

Матвей. Норм. Я тоже где-то так. Ну что, дорогой! Дай же мне сигарету.

Олег смотрит на Матвея. Тот кивает.

Матвей. Давай. Только медленно. Ещё медленнее.

Олег. У меня больше ничего нет, честно.

Матвей. Конечно, я тебе верю.

Олег очень медленно вынимает из кармана пачку, держа её за клапан двумя пальцами, кладёт на диван, торопливо отталкивает от себя.

Матвей. Это что у тебя? «Ричмонд»? Слушай, вот вроде бы ты рядовой представитель закона, да? Откуда у тебя деньги на «Ричмонд», м? Только не говори мне, что ты зарабатываешь. Я понимаю, что жены и детей у тебя нет, но всё-таки. Кстати, а почему жены-то нет? Дети ладно, дети не нужны, а жена?

Олег. Не получилось как-то.

Матвей. Не получилось. Ага. Бывает. Хотя что это я? С проститутками же куда проще, да? Голова у них не болит, к теще на дачу ехать не надо. Или... постой-ка. А может, ты просто — пидор?

Олег. Нет, я не по этому делу.

Матвей. А я подозреваю, что всё-таки по этому.

Олег. Серьёзно — не по этому.

Матвей. Вряд ли девушки западают на такого как ты. Я думаю, это потому, что ты сам в каком-то смысле девушка. Тёлка. Огромная лысая тёлка с хером.

Короткая пауза, во время которой ничего не происходит.

Матвей. Так уж и быть, открою тебе перед твоей скорой смертью одну очень странную тайну. Готов?

Олег. Нет.

Матвей. Не беда. Это недолго. Две минуты. А потом ты мне покажешь, где у тебя оружие и патроны к нему. Ладно, солнышко?

Олег. У меня дома нет ничего.

Матвей. Поверь, я не раз это слышал. Но — сюрприз! — всегда что-то да оказывается в наличии.

Олег. Я правду говорю.

Матвей. А я твоей правде не верю, прости.

Короткая пауза, во время которой Олег яростно утирается халатом.

Матвей. Лицо расцарапаешь.

Олег всхлипывает.

Матвей. Так вот. Пока ты совсем не расклеился. Да всё, хорош! Руки убрал!

Олег прекращает тереть лицо халатом, выпрямляется.

Матвей. Миром, дорогой мой, правят сигареты. Как ни удивительно это звучит. Именно они решают, кому жить, а кому нет. И я сейчас не про рак или там — эмфизему. Нет. Все курящие — игроки. Те, кто не курит, — вне игры, но их так мало, что ими легко можно пренебречь. А вот остальные постоянно играют по очень простым правилам. Если они не пидоры, конечно. И одно из этих правил — не курить слишком дорогие сигареты. Понимаешь, к чему я клоню, да?

Олег кивает.

Матвей. Можешь мне не верить, но есть какая-то сила, которой всё на свете подчиняется. Я не знаю, можно ли её назвать богом, — наверное, нельзя. Но это и не важно. Понимаешь, да?

Олег снова кивает.

Матвей. Эту силу нельзя оседлать. Как бы ты ни хотел, но подчиняться тебе она не будет. В эту силу можно только влиться, стать её частью — и действовать, повинувшись её запросам и наплевав на свои. Но как, спросишь ты, узнать, чего хочет эта сила, да?

Олег в очередной раз кивает.

Матвей. Сила дала нам инструмент — своеобразные игральные кости. Ты ведь догадываешься, что я сейчас о сигаретах говорю?

Олег (*кивая*). Да.

Матвей. Слушай, а тебе нравятся братья Коэны?

Олег. «Большой Лебовски» — очень хороший фильм.

Матвей (*помедлив*). Ну надо же. Я чуть дар речи не потерял. Ты мне сейчас разорвал шаблон — и мне немного больно.

Короткая пауза, во время которой Олег снова утирается халатом.

Матвей. Ну хорошо. А «Старикам тут не место»? Там как раз про коллег твоих.

Олег. Да, смотрел.

Матвей. И как тебе?

Олег. Ну...

Матвей (*перебивает*). Помнишь, там Антон Чигур такой есть? С дебильной причёской? У него ещё пистолет пневматический для забоя скота, такой — с баллоном.

Олег. Да. Помню.

Матвей. Странно, что пидорам нравится такое кино. Хотя пидорам много чего нравится из хорошего, это факт. От чего они, конечно, пидорами быть не перестают.

Олег. Я не пидор.

Матвей. Ты очень нудный. Я от тебя устал. Можешь не говорить мне ничего про оружие, я всё равно сам найду.

Олег. У меня...

Матвей нажимает на курок. Но выстрела не происходит, только громкий щелчок.

Матвей (*смотрит на обрез у себя в руках*). Ну надо же, какая сука, а?

Олег суетливо, путаясь в халате, вынимает из кармана пистолет и несколько раз стреляет в Матвея. Тот роняет обрез, падает с табуретки. Олег встаёт, подходит к Матвею, держа пистолет в вытянутой руке. Стреляет в Матвея ещё раз. Тот лежит, не двигаясь. Вокруг него натекает лужа чёрной крови.

Олег. Сам ты пидор.

Олег подходит к лежащему на полу обреза, с трудом наклоняется, поднимает обрез. Выходит из комнаты. Матвей по-прежнему лежит в луже собственной крови. Он мёртв.

Затемнение.

Сцена десятая

Катя рассказывает собственный сон.

Я как будто бы иду по улицам, но они все пустые, никого нет — ни одного человека. И очень темно, хотя день — я знаю, что день, во сне же всегда «знаешь», даже если видишь совсем другое.

И вот я иду — и слышу музыку, она как будто бы совсем рядом, но я никак не могу к ней выйти. Улицы такие узкие, я почти застреваю между стен, но продолжаю протискиваться — меня влечёт эта музыка, она явно праздничная, а я хочу праздника, мне хочется танцевать и веселиться. Я даже подпеваю, но выбраться из лабиринта узких улочек никак не получается.

В какой-то момент я, кажется, уже сдаюсь, но тут вижу луч света, который пробивается откуда-то сверху, это точно солнечный луч, закатного летнего солнца — и в этом луче кружатся сияющие золотом пылинки.

Сердце сжимается, я плачу от счастья и бегу к этому лучу — и вижу, что справа от него есть выход на площадь, просто залитую солнечным светом. На площади никого нет, кроме голубей, но именно оттуда доносится музыка.

Я бегу туда — к солнцу и музыке, — и, когда оказываюсь на площади, вижу, что по направлению к ней — и ко мне — по широкому проспекту движется просто невозможное количество человеческих единиц, гигантская масса поющих и танцующих тел. А прямо перед ними крайне медленно и с оглушительным скрипом катится на колоссальных колёсах такая, что ли, огромная металлическая телега, сверху украшенная гигантской пирамидой из цветов.

И я понимаю, что вот он — праздник, сам приближается ко мне, в тяжёлом облаке из ароматов и звуков. И чем он ближе, тем меньше мне нравится визгливая музыка, вовсе не такая мелодичная, как мне казалось раньше. Люди танцуют, да, но движения их преувеличены и похожи больше на конвульсии, и вместо песен я слышу хриплые крики.

В какой-то момент я замечаю, что один за другим люди бросаются под высокие колёса. Телега давит людей как перезрелые фрукты — так же легко. Но они не останавливаются, их не пугают размазанные по колёсам кровь и мозги. Потому что именно в этом и заключается праздник. В котором я больше не хочу участвовать.

Закатное солнце уже не радуется — оно чересчур кровавое. Я пытаюсь вернуться на те самые улочки, которые казались мне такими жуткими совсем недавно. Я пытаюсь вернуться, но не могу найти ни одного переулка, не заканчивающегося тупиком.

Так или иначе я возвращаюсь на площадь — а телега всё ближе. И я понимаю, что ни один тупик меня не спасёт — я всё равно окажусь раздавлена если не колёсами, то людьми. Их так много, как не бывает в реальности. И все они стремятся попасть под колёса.

И тут до меня доходит, что страшнее всего во всей этой картинке. Нет, вовсе не смерть — её так много, что она перестаёт выглядеть чем-то из ряда вон. Она кажется почти нормой.

Страшнее всего то, что телега движется по проспекту сама. Нет ни лошадей, ни возницы. Такая громадина — и сама. Колёса крутятся без постороннего усилия, сами по себе.

Затемнение.

Эпилог

Кухня в квартире Кати. Мать Кати сидит за столом в чёрном платке, перед ней бутылка водки, стопарь и тарелка с кусочками сала. Напротив Матери сидит Бомж в чистой одежде Отца, перед ним тоже стопарь и тарелка, на которой ничего нет. Между Матерью и Бомжом за столом сидит Катя — лицом к нам. Перед ней ничего нет — ни стопаря, ни тарелки.

Мать. Знаешь, Петя, как я её родила?

Бомж. В муках?

Мать. Не знаешь. Потому что я её не рожала. Это она меня родила. Такую. Не было меня, не было, а потом — оп! — и вот она я.

Катя. Петь, тебе налить?

Бомж. Спасибо, мне хватит уже.

Мать. Ты, может, Петя, кушать хочешь?

Катя. Там картошка ещё есть — будешь?

Бомж. Нет, спасибо. Я бы только от чаю не отказался.

Короткая пауза, во время которой Мать начинает плакать.

Мать. Ой, на кого ж ты меня покинул, Володенька? На чокнутую и приبلудного однорукого? Что мне с ними делать, а? Одна тебя в могилу свела, другой твоё место занял. Что теперь будет-то, а? Как жить-то теперь?

Катя. Живи себе и не ной.

Мать. Нет у меня мужа, нет дочери — и сил никаких тоже нет. Одна я осталась, Володенька.

Катя. Ещё скажи — «как перст».

Короткая пауза, во время которой Мать продолжает плакать.

Бомж. Чай будет или нет, я не понял?

Катя. Будет, Петя, не кричи.

Бомж. Да я вроде ж давно уже попросил, нет?

Катя поднимается и идёт к плите. Зажигает газ, наполняет чайник водой из-под крана, ставит на огонь.

Бомж. Не допросишься. Как не у себя дома, честное слово.

Катя (*возвращаясь за стол*). Подожди немного, сейчас закипит. Будет тебе чай.

Бомж. Дать бы тебе по роже. Да левой рукой не удобно.

Катя (*смотрит на Бомжа, улыбается*). Странно, что ты Безухов, а не Безруков.

Бомж. Сучка.

Мать. Володенька...

Короткая пауза, во время которой все молчат.

Катя. Ну что, Петь? Теперь по любви всё, да?

Бомж не отвечает. Кухня медленно, но верно утопает в темноте.